

Терзая сатану, чем дольше он
На счастье недостижное глядел;
Наисильнейшей злобой распалясь,
Намереньям губительным успех
Суля, в себе он ярость горячил:
«Мечты, куда вы завели! Каким
Обманом сладким охмеленный, мог
Забуть — зачем я здесь! Нет, не любовь,
А ненависть, не чайные сменить
На Рай — геенну привлекли сюда,
Но жажда разрушенья всех услад,
За вычетом услады разрушенья;
Мне в остальном — отказано».

*Джон Мильтон,
«Потерянный рай»*

Предисловие автора

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

2008 год

Снова писать о Теодоре Роберте Банди я не помышляла. Когда 37 лет назад я с ним познакомилась, он не был ни известен, ни печально известен, и хоть уже двадцать лет как он мертв, новые поколения продолжают им интересоваться. К первой своей опубликованной книге «Убийца рядом со мной» я уже написала «Эпилог», «Послесловие», «Последнюю главу», и «Двадцать лет спустя», но история Теда, похоже, не закончится никогда. Эту книгу мне, видимо, суждено дописывать еще долгие годы.

Часть добавленной мной в оригинальную книгу информации оказалась неверной — молвой и слухами, на которые клюнули большинство экспертов по Банди, — и мне хочется это исправить. У единственного палача, включившего рубильник электрического стула в Старке, штат Флорида, не было ни маски, ни подведенных тушью густых ресниц. Это часть легенды о Теде.

В этой, совершенно новой, главе я привожу слова очевидца смерти Теда Банди, рассеивающие все заблуждения.

О Теде продолжает появляться новая информация. Продолжают объявляться «почти жертвы». Часто мне хочется все оставить и покончить с воспоминаниями

о Теде. Признаюсь, с написанием этой главы я тоже медлила. Почему?

Тед Банди все еще преследует меня.

Увенчайся успехом его отчаянная борьба за спасение собственной жизни после стольких жизней, отнятых им, Тед еще сидел бы за тюремной решеткой и был бы уже стариком — шестьдесят два года. Моей внучке сегодня столько же, сколько мне при первой встрече с ним, а я сама уже прабабушка. Кэрол Энн Бун, дочери Теда от его тогдашней жены, двадцать шесть лет. Считающему Теда отцом ребенку Мег Андерс скоро сорок.

Убитым Тедом молодым женщинам сегодня было бы за пятьдесят. От пятидесяти до шестидесяти — жертвам, спасшимся от него в последний момент. А сколько было их всего, никто и никогда не узнает.

Время неумолимо бежит без Теда Банди. Но невозможно стереть множество оставленных им шрамов, ночных кошмаров и воспоминаний.

Таким красивым, блестящим или харизматичным, каким его рисует криминальный фольклор, Тед никогда не был. Но, как я уже говорила, позорную славу он обрел. Полное ничтожество, пока его не заподозрили в серии ужасных преступлений, он прославился стараниями СМИ. Прошедшие десятилетия вознесли — или низвергли — Теда до уровня Леопольда и Лёба¹, Альберта де Сальво², Уильяма Хайренса³, Чарльза Мэнсона и, воз-

¹ Натан Фрейденталь Леопольд и Ричард Альберт Лёб — американские студенты, которые совершили в 1924 году так называемое «преступление столетия»: похитили и убили четырнадцатилетнего Бобби Фрэнкса.

² Альберт де Сальво — американский серийный убийца, вошедший в историю мировой криминалистики под прозвищем «Бостонский душитель».

³ Уильям Хайренс — американский серийный убийца, также известный как «Помадный убийца», получивший свое прозвище за странное послание, написанное красной помадой в доме одной из жертв.

можно, еще дюжины других убийц, убивавших ради убийства.

Я всегда считала, что со временем, в особенности после казни Банди, его постепенно забудут. Вместо этого он превратился едва ли не в миф.

Как автору бульварных журналов, жаждущему написать книгу, мне надо быть благодарной за то, что я оказалась ближайшим очевидцем чудовищного сценария, в котором Тед Банди, по выражению одного периодического издания, выступал «гламурным мальчиком смертоубийства».

Но я не испытываю благодарности. Я предпочла бы никогда не написать собственной книги, тем более двадцати девяти книг, лишь бы были живы жертвы Теда. Его преступления изменили мою жизнь и открыли мне путь к первому договору на книгу, но по-человечески мне хотелось бы вернуться и стереть его самого и прорубленную им по Америке смертоносную просеку. Будь это в моих силах. По прошествии стольких лет порой даже кажется, что Тед Банди и десятки жертв его были лишь плодом моего воображения.

По иронии судьбы сорок лет спустя публика часто воображает Теда красивым и дерзким преступником. В особенности молодые женщины, нынешние ровесницы его жертв семидесятых.

Я не удивляюсь все новым письмам и электронным письмам от очарованных Тедом Банди двадцатилетних. Тридцать лет назад я видела, как у зала суда в Майами, Флорида, местные девушки бились за места прямо позади стола его защиты.

Они ахали и задыхались от восторга, когда Тед оборачивался на них посмотреть. Он наслаждался их реакцией. Во время первого процесса в Майами он управлял ситуацией — или считал, что управляет.

Почему-то больше всего писем я получаю из Италии, где женщины «любят» Теда и оплакивают его. Письма о нем мне приходили из всех штатов, а также из Фран-

ции, Швеции, Голландии, Германии и даже из Зимбабве и Китая. Он сделался американским Джеком-потрошителем, невыдуманым Дракулой, маньяком, чей дух воспарил над рядовыми убийцами. И при этом он извращенно привлекал одиноких женщин.

Возможно, в этом виновата и я: не я ли описала «хорошую» сторону Теда, ту, которую видела в первые три года нашего ближайшего знакомства? Тогда он казался добрым, внимательным и честным, и я не осознавала опасности — не для себя, а для симпатичных молодых женщин, привлекавших его в качестве жертв. Мне хотелось предупредить читательниц о том, что зло иногда является в красивой оболочке. Мне хотелось спасти их от бродящих в поисках жертв садистических социопатов.

Оглядываясь назад, я понимаю, насколько была наивна. Я даже понимаю, насколько наивной я в каком-то смысле остаюсь. Я все еще хочу спасти жизни женщин, но для меня имеет значение еще кое-что.

В 1980 году я плохо осознавала разницу между психически больным и психопатом. В первом издании этой книги я писала, что, убивая всех этих молодых женщин, Тед явно был психически ненормальным. Я действительно думала, что Тед попросту сумасшедший, и писала, что его нужно отправить в психиатрическую больницу.

И я была неправа. Как минимум я понимала, что с его психопатией он *никогда* не должен выйти в общество. Но это все, что я могу сказать в свое оправдание. Мне не стыдно, что я ошиблась с диагнозом. Так же ошиблись многие беседовавшие с Тедом психологи и психиатры.

Тед не был сумасшедшим. У него, несомненно, был ряд психопатических расстройств личности — явно нарциссических, пограничных и социопатических. Одна психолог несколько раз меняла диагноз Теда Банди, от биполярного до диссоциативного расстройства. Ни с одним из этих двух диагнозов я никогда не соглашусь. Все попытки охарактеризовать его и его поступки никуда не годились — элементарная подгонка в неверные рамки.

Тед, по-моему, был садистом и социопатом, наслаждавшимся болью жертвы и ощущением власти над ней в момент и даже после ее смерти. Ребенком, подростком, молодым человеком, он не чувствовал себя полновластным хозяином собственной жизни. На страшную стезю он встал в поисках власти и контроля.

И ценил он лишь себя.

Страдающий от диссоциативного расстройства понимает разницу между правильным и неправильным. Но она для него неважна, поскольку он — особенный и заслуживает иметь и делать то, что пожелает. Он — центр мира. Все остальные — ничтожные куклы. И по закону, и с медицинской точки зрения сумасшедший — тот, кто этой разницы не осознает, а потому не может отвечать за свои поступки, сколь бы шокирующими они ни были.

Вначале я думала, что наверняка испытывавший чувство вины Тед однажды признается. Но чувства вины он никогда не испытывал. Испытывать вину он был неспособен.

Только чувство самосохранения.

И было в Тедде Банди нечто, настолько испугавшее некоторых женщин, что они ушли от него в последнюю минуту. Они настолько рано «учуяли» опасность, что закричали, начали отбиваться или убежали. Долгие годы о встречах с ним они даже говорить не могли. Страх отодвинулся только с наступлением зрелости, когда Тед был давно мертв, и лишь после этого они наконец со мной связались.

Сначала большинство из них боялись читать эту книгу, чтобы не найти подтверждения, что подходивший к ним, выбравший их — действительно был он. Это пугающе близко подводило их к разрушительному переходу за тонкую грань небытия. Так выживший в страшной аварии не хочет о ней вспоминать, пока память о ней не отойдет далеко в прошлое.

Я попросила у некоторых, едва не ставшими жертвами Банди, женщин разрешения включить их рассказы в эту

новую главу, и они ответили согласием — при условии, что я не назову их настоящие имена. Это мне понятно.

Я прочла более сотни писем с описаниями происшествий и сначала выбрала лишь те, где, по-моему, действительно имели место столкновения с Тедом Банди. Только для этого мне пришлось размышлять над пугающими воспоминаниями, иначе пришлось бы писать другую книгу.

Первое воспоминание пришло от женщины средних лет, мучимой чувством вины и сожаления, поскольку в глубине души ей казалось, что в июне 1974 года жертвой Теда должна была стать не Джорджанна Хокинс, а она. Хуже того, парализованная ужасом, она видела, как он подцепил Джорджанну и заманил в свою машину на неминуемую смерть.

Женщину звали Кейтлин Монтгомери. В середине семидесятых она училась на курсах медсестер в Вашингтонском университете. Она жила в цокольном этаже общежития, стоявшего на противоположной стороне переулка, по которому 10 июня 1974 года шла Джорджанна. Кейтлин прислала мне свою фотографию той поры, где она похожа на Стефани Брукс* почти как зеркальное отражение. Стефани предложение Тед сделал только, чтобы ее бросить в отместку за то, что она когда-то бросила его.

«Кто-то подсматривал за нами в окна, — вспоминала Кейтлин, — и я увидела в нашем квартале парня на костылях. Я чувствовала, что он следил за мной. По тому переулку я фактически прошла всего за пару минут до Джорджанны Хокинс. Было темно, я испугалась, прибежала к дому изо всех сил и заперла за собой двери. Потом я выключила свет, выглянула в переулок и увидела девушку. Позже я узнала, что это была Джорджанна».

Кейтлин услышала вскрик удивления или страха. Она видела, как к блондинке подошел мужчина на костылях и сказал несколько слов, — их Кейтлин не расслышала, —

* Все имена, отмеченные звездочкой, являются псевдонимами. (Прим. авт.)

а потом схватил ее за руку. Кейтлин не знала, добровольно пошла за ним та девушка или нет, но сама она испугалась и подумала, что он тащил Джорджанну по переулку насильно.

«Мне следовало попытаться ей помочь, — писала она. — Следовало кому-нибудь позвонить. Возможно, в полицию. Но я слишком боялась. Я просто смотрела. И с тех пор я об этом жалею...»

Кейтлин Монтгомери была стройной брюнеткой, именно того типа, который Тед Банди раз за разом выбирал в качестве жертвы. Джорджанна была блондинкой. Обе очень привлекательные. Не знаю, намечал ли Тед жертвой Кейтлин с самого начала. Знал об этом только он, но, разумеется, рассказать об этом он уже не сможет.

В семидесятые университетский округ оставался районом четко очерченным, как в пору, когда десятью годами ранее старший курс по специальности «писательское мастерство» оканчивала я. С востока на запад за кампусом шла 45-я улица, а с севера на юг — Университетская улица, прозванная «Авеню». На нескольких улицах севернее кампуса стояли дома греческой системы студенческих братств, и Тед обычно жил на западной стороне Авеню. Почти от каждой северной и южной улицы в глубь квартала шел переулок.

По моей оценке, Тед бродил с 41-й до 65-й улицы и по обе стороны Авеню. Мне трудно сосчитать, сколько женщин в возрасте до двадцати или чуть за двадцать рассказывали мне о симпатичном мужчине в «Фольксвагене-жук», который настойчиво предлагал им прокатиться с ним в этот район. Когда они отказывались, он впадал в жуткую ярость.

Но некоторые встречи заканчивались куда жестче. Ниже приведено электронное письмо, полученное мной в июле 2008 года (опять же, у меня есть разрешение автора на его публикацию под псевдонимом). Как ни странно, несколькими годами ранее я одно лето жила в том же самом многоквартирном доме, что и эта женщина. Дом был

в одном квартале к западу и параллельно Университетской улице. Одри* пишет:

«Мне 53 года, я выпускница Вашингтонского университета и с 1973 по 1977 год жила в многоквартирном доме «Бруклин». Я пролистывала свежий номер журнала Вашингтонского университета и наткнулась на краткую информацию о вас, в которой упоминалась ваша книга».

Одри никогда обо мне не слышала, но она знала о преступлениях Теда Банди, о его казни и читала статьи в местных газетах на Среднем Западе, куда переехала после выпуска. Она решила прочитать мою книгу двадцать восемь лет спустя после ее первой публикации.

«Только дочитав вашу книгу до девяносто восьмой страницы, я поняла, насколько это дело, возможно, касается лично меня. Вы упомянули адрес, по которому проживал Тед во время убийств в районе Сиэтла. До меня впервые дошло, что моя квартира была менее чем в квартале от меблированных комнат, где жил он.

Однажды вечером (году в 1973—1974-м), моя соседка по квартире, привлекательная брюнетка, и я, длинноволосая блондинка с прямым пробором, решили побаловать себя ужином в ресторане «Горацио». Она сдала на «отлично» последний экзамен в школе медсестер, и мы нарядились, чтобы пойти и отпраздновать. За мной закрепили странное парковочное место в жилом комплексе, до которого надо было пройти по переулку. Когда мы спускались по лестнице с третьего этажа, уже смеркалось, а выйдя в переулок, я вспомнила, что забыла очки для вождения в ночное время. Я велела ей подождать, а сама побежала назад за ними. Взяла.

Я спустилась во двор жилого комплекса, повернула за угол в переулок и увидела, как соседка пытается вырваться из рук державшего ее стальным захватом за шею мужчины.

Я замерла, а потом издала гортанный крик, который с тех пор мне ни разу не удалось повторить. Крик настолько первобытный и отчаянный, что позднее несколько пар-

ней, находившихся в паре кварталов от нас, сказали нам, что, услышав его, они поняли, что что-то не так. Затем мужчина отпустил подругу и побежал по направлению к 12-й авеню через освещенное заднее крыльцо дома. Добравшись до крыльца, он обернулся и посмотрел на нас.

Эти глаза и этот взгляд я не забуду, пока жива. Тогда я испытала только ужас и даже не подумала, что это мог быть Тед. Не знаю, почему я не сообразила сразу, скажу лишь, что тогда я еще не читала о нем в газетах.

А буквально пару дней спустя сообщили об исчезновении Джорджанны Хокинс».

В вечер покушения Одри с соседкой позвонили своим парням, те приехали за ними и развезли их по домам. Женных Одри, доцент Вашингтонского университета, призывал ее сообщить о происшествии властям. Однако она не сообщила, полагая, что на самом деле не произошло никакого преступления.

«Я была молода и наивна».

Удивительно, но Одри — жившая в ту пору в Калифорнии — вспомнила, как в день казни Теда ранним январским утром 1989 года вдруг очнулась от глубокого сна и села в кровати в тот самый миг, когда умер Тед.

Это Тед увидел красивую брюнетку, ее соседку, одну в темноте?

Думаю, да.

Одри написала мне еще раз. Я ответила ей, что моей главной целью было предупредить женщин об опасности в надежде спасти их жизни благодаря советам или предостережениям, написанным в моих книгах.

«Как раз прошлой ночью, — писала она, — я видела, как какой-то парень следил, как я иду на занятия по пилатесу, и когда я выходила с них, он все еще прятался. Поэтому я вернулась и позвонила в полицию, попросив охрану сопровождать меня при выходе из здания. Он ушел прежде, чем приехали полицейские, но, не прочти я вашу книгу, я даже в пятьдесят три года не поняла бы, что *именно так* — она должна быть тактика действий с этими придурками».